

Патоличев – Зимянин: неудавшаяся замена

В советское время белорусские СМИ об этом событии не сообщали, хотя о нем время от времени судачили старожилы партийной и исполкомовской службы. Это была тема для кулуарных разговоров, но не для прессы. Ведь речь шла о невыполнении постановления главного партийного штаба – самого ЦК КПСС. Причем решение это касалось первого лица в партийном руководстве БССР.

Суть дела была такова. В июне 1953 года в Москве сочли нужным заменить почти три года проработавшего Первым секретарем ЦК КПБ русского по национальности Н.С. Патоличева на белоруса М.А. Зимянина – в недавнем прошлом второго секретаря ЦК КПБ, ставшего сотрудником Министерства иностранных дел СССР. Но белорусский ЦК партии не торопился взять под козырек...

Со временем эта история стала обраться легендами, наиболее расхожая из которых гласит, что намеченный ход событий якобы сломал первый секретарь Дзержинского райкома партии Л.М. Лемешонок. На пленуме ЦК КПБ, который должен был выполнить установку ЦК КПСС, он в резкой форме заявил с трибуны, что Н.С. Патоличев для белорусского народа сделал очень много и свой пост занимает вполне заслуженно, а в недостатках, которые есть, не меньше, чем он, виноваты глава правительства и другие руководители республики. Притом выступал он уже после Председателя Совета Министров БССР А.Е. Клещёва, который якобы поблагодарил Москву за мудрое решение, и Председателя Президиума Верховного Совета БССР В.И. Козлова, пусть уклончиво, но поддержавшего установку ЦК КПСС, а также руководителя Госплана БССР И.Л. Черного, подвергнувшего руководителя ЦК КПБ разгромной критике. Все последующие ораторы выразили поддержку Патоличеву. Представитель ЦК КПСС побежал звонить в Москву. Спустя некоторое время состоялось тайное голосование с вопросом, надо ли проводить перевыборы первого секретаря ЦК КПБ. За Патоличева высказалось 546 человек, против не проголосовал никто, воздержались четверо.

В книге самого Н.С. Патоличева под красноречивым названием «Совестью своей не поступись», вышедшей в московском издательстве «Сампо» через шесть лет после

его смерти, говорится о двух ораторах, изменивших ход пленума. Кроме Л.М. Лемешонка, заявившего, что 154 первых секретаря районных комитетов партии, которые присутствуют на пленуме, «не будут голосовать за освобождение первого секретаря ЦК», Николая Семеновича поблагодарил «за хорошую работу в Белоруссии» один из столпов белорусской литературы, уважаемый всем народом Якуб Колас. Классик даже демонстративно пожал Патоличеву руку, что, разумеется, на всех произвело должное впечатление.

Документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь, свидетельствуют, что события развивались несколько иначе. Во-первых, секретарь Дзержинского райкома партии Л.М. Лемешонок о том, что 154 его коллеги не станут голосовать за снятие Н.С. Патоличева, не говорил. Во-вторых, Якуб Колас в своем выступлении Патоличева не упоминал. В-третьих, В.И. Козлов не «высказал поддержку московскому решению». В-четвертых, А.Е. Клещёв на пленуме не выступал вовсе. В-пятых, решения были приняты единогласно, поднятием рук, притом сделали это 111 членов ЦК, имевших право голоса на пленуме, а не 550 присутствующих, как следует из воспоминаний бывшего председателя Мингорисполкома В.И. Шарапова. Впрочем, судя по протоколу, на пленуме было 518 человек. В-шестых, наличествовало еще одно обстоятельство, и находилось оно за пределами республи-

ки, от которого судьба Патоличева зависела не меньше, чем от волеизъявления белорусского партийного актива. Это – первый заместитель председателя Совета Министров СССР, министр внутренних дел СССР Лаврентий Павлович Берия.

Вопрос о замене Н.С. Патоличева на М.В. Зимянина перед Президиумом ЦК КПСС – так после XIX съезда Компартии стало называться Политбюро – поставил именно Берия. Постановление «Вопросы Белорусской ССР» 12 июня 1953 года Президиум принял по его записке. Разумеется, писал ее Лаврентий Павлович не потому, что был озабочен должностным ростом Михаила Васильевича. Он руководствовался иными соображениями, Зимянину же предстояло стать инструментом в достижении поставленных целей или жертвой в случае неудачи. «Лубянский маршал», как называли за глаза Берия, похоже, к смерти «вождя всех народов» подготовился лучше других сподвижников генералиссимуса, потому начал действовать немедленно, настойчиво и бесцеремонно. Уже на июльском пленуме ЦК КПСС, на котором рассматривался вопрос «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия», В.М. Молотов говорил, что он звонил ему и спрашивал, почему «премьер-министра на сессии Верховного Совета, предложенно-го партией, рекомендует не секретарь Цен-

трального Комитета Хрущев», а он. Ответ был кратким: «Нет, я».

Надо полагать, Берия больше других тревожили грядущие после смерти Сталина изменения в государственной политике страны. Ослабление нажима во всех сферах жизни было неизбежным, ресурс закручивания гаек был уже исчерпан. В таком случае не исключалось, что встанет вопрос об ответственности за ошибки, поражения, особенно за репрессии. И тогда именно Берия окажется в наиболее уязвимом положении, ведь репрессии осуществлялись министерствами внутренних дел и государственной безопасности, к деятельности которых он уже полтора десятка лет имел непосредственное отношение. Такой поворот устроил бы многих. На Берия с удовольствием всю вину свалил бы тот же Хрущев, который, будучи первым секретарем Московского горкома партии, требовал наибольших квот на расстрелы, мотивируя это тем, что столица в борьбе с врагами народа не может отставать от какой-либо Калуги. Годы спустя и Зимянин подчеркивал, что, «подвергая критике Сталина за репрессии, Хрущев тем самым в какой-то степени замаливал собственные грехи». Потому Берия предпочел действовать на опережение и стал первым обличать злоупотребления в деятельности правоохранительной системы. Ситуацию для

◀◀ Н.С. Патоличев

◀ М.В. Зимянин.
1953 год.
Из коллекции
И. Берлина
в Белорусском
государственном
архиве кинофотофоно-
документов

него облегчало то, что с декабря 1945 года он уже не был непосредственным руководителем органов внутренних дел и госбезопасности.

Уже 5 марта 1953 года – в день смерти Сталина – на совместном заседании ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР именно Берия рекомендовал новым главой советского правительства Маленкова. Конечно, он сделал это не только потому, что была договоренность с Георгием Максимилиановичем, согласно которой тот сразу же назовет Лаврентия Павловича своим первым заместителем и одновременно главой Министерства внутренних дел, включавшего тогда и Министерство государственной безопасности. Были и иные причины. Во-первых, формально Маленкова трудно было обойти, он еще при Сталине стал в партийном и государственном аппарате фигурой номер два. Во-вторых, Берия не видел в Маленкове серьезного соперника в борьбе за высшую власть. И не ошибся. Георгий Максимилианович в самом деле не был бойцом. Через два года он стал обычным министром, а еще через два – директором электростанции в далеком казахстанском Экибастузе...

Вряд ли испытывал Берия особый пиетет и к другим вновь назначенным первым заместителям председателя Совета Министров. Н.И. Булганин был человеком неконфликтным. Склочный Л.М. Каганович со многими испортил отношения. В.М. Молотов, давнему соратнику Сталина, до войны возглавлявшему советское правительство, шел уже седьмой десяток лет. За семьдесят перевалило К.Е. Ворошилову, занявшему пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Был еще секретарь ЦК КПСС, а одновременно первый секретарь Московского обкома и Московского горкома партии Н.С. Хрущев, но ему бюро Президиума ЦК рекомендовало сосредоточиться «на работе в Центральном Комитете КПСС». Хитрого, но малообразованного и внешне простоватого Никиту Сергеевича Берия тем более не мог принимать всерьез в своих расчетах.

Уже на четвертый день после похорон Сталина – 13 марта – первый заместитель председателя Совета Министров СССР, министр внутренних дел СССР Л.П. Берия издал приказ по МВД о создании следствен-

ных групп для пересмотра дел арестованных врачей, бывших сотрудников МГБ СССР, МГБ Грузинской ССР, работников Главного артиллерийского управления военного министерства, бывшего руководства ВВС и Министерства авиационной промышленности СССР – маршалов авиации А.А. Новикова, С.А. Худякова и министра авиационной промышленности А.И. Шахурина. А 4 апреля последовал его же приказ «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия».

Одна за другой шли специальные записки в Президиум ЦК КПСС: 26 марта – о проведении амнистии, 1 апреля – о реабилитации лиц, привлеченных по делу о врачавредителях, 2 апреля – о привлечении к уголовной ответственности виновных в убийстве С.М. Михоэлса, 8 апреля – о неправильном ведении дела так называемой мингрельской националистической группы, 17 апреля – о реабилитации бывшего заместителя военного министра маршала артиллерии Н.Д. Яковлева, начальника Главного артиллерийского управления генерал-полковника артиллерии И.И. Волкотрубенко и заместителя министра вооружения И.А. Мирзаханова, 13 мая – об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей, 15 июня – об ограничении прав особого совещания при МВД СССР.

Еще 19 марта началась смена руководителей МВД в союзных республиках и в большинстве регионов РСФСР. В Минске с должностью министра внутренних дел расстался русский по национальности М.И. Баскаков, которого сменил уроженец Петриковского района М.Ф. Дечко. В Могилеве поста руководителя областного управления внутренних дел лишился полковник К.Г. Почтенный, поскольку был русским. Как потом утверждал Патоличев, Берия «без ведома ЦК Белоруссии снял с руководящих постов русских, украинцев... Готовилась такая замена до участкового милиционера включительно».

Казалось бы, все идет нужным для «лубянского маршала» чередом. Президиум ЦК КПСС 10 апреля принял постановление, одобряющее «проводимые тов. Берия Л.П. меры по вскрытию преступных действий, совершенных на протяжении ряда лет в бывшем Министерстве госбезопас-

ности СССР, выразившихся в фабрикации фальсифицированных дел на честных людей, а также мероприятия по исправлению последствий нарушений советских законов».

В то же время первый заместитель председателя Совета Министров СССР не мог не понимать, что усилий, предпринимаемых только в союзной столице, явно недостаточно. Потому по его запискам Президиум ЦК КПСС принял специальные постановления по трем республикам: 26 мая – «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР» и «О положении в Литовской ССР», 12 июня – «Вопросы Белорусской ССР». Во всех трех документах главной причиной недостатков были названы «извращения ленинско-сталинской национальной политики», выразившиеся в том, что на руководящую работу мало выдвигались местные кадры, а в деловых отношениях и системе просвещения господствовал русский язык. Малым числом местных выдвиженцев в органах партийной и государственной власти объяснялось даже существование бандеровщины на Украине и националистического подполья в Литве. Ставилась задача «добиться изжития огульного недоверия к западноукраинским кадрам» и «обеспечить их наличие в руководящем составе ЦК КП Украины и в Правительстве Украинской ССР». Первый секретарь ЦК КП Украины Л.Г. Мельников, русский по национальности, был освобожден от занимаемой должности.

Глава ЦК Компартии Литвы А.Ю. Снечук остался при должности, поскольку был литовцем, однако оценка положения дел в республике была такой же: «огульное недоверие к литовским кадрам». Главной целью названо их «выращивание и широкое выдвижение... во всех звеньях партийного, советского и хозяйственного руководства». Требовалось «отменить ведение делопроизводства во всех партийных, государственных и общественных организациях Литовской ССР на нелитовском языке... Заседания Совмина, бюро и пленумов ЦК КП Литвы, а также городских и районных комитетов партии и исполкомов Советов депутатов трудящихся проводить на литовском языке».

Постановление, касающееся БССР, было самым коротким. Его констатирующая

часть состояла всего из двух абзацев. В первом отмечалось, что и «в Белорусской ССР совершенно неудовлетворительно обстоит дело с выдвижением белорусских кадров на работу в центральные, областные, городские и районные партийные и советские органы. При этом особенно неблагоприятным является привлечение на руководящую работу в партийные и советские органы западных областей Белорусской ССР коренных белорусов – уроженцев этих областей, что является грубым извращением советской национальной политики». Во втором было указано на наличие «серьезных недостатков в колхозном строительстве». Составляющая часть требовала «освободить т. Патоличева Н.С. от обязанностей первого секретаря ЦК КП Белоруссии, отозвав его в распоряжение ЦК КПСС», и вместо него «рекомендовать первым секретарем ЦК КП Белоруссии т. Зимянина М.В., члена ЦК КПСС, быв[шего] второго секретаря ЦК КП Белоруссии, освободив его от работы в Министерстве иностранных дел СССР». Третий пункт обязывал ЦК КПБ «выработать необходимые меры по исправлению отмеченных извращений и недостатков и обсудить их на Пленуме ЦК КП Белоруссии. Доклад на Пленуме ЦК КП Белоруссии поручить сделать т. Зимянину».

Почему выбор первого заместителя председателя Совета Министров СССР пал именно на Зимянина? Надеяться на то, что в архивах будет обнаружен готовый ответ, написанный рукой самого Лаврентия Павловича, не стоит. Конечно же, делая ставку на недавнего второго секретаря ЦК КПБ, он хорошо изучил личное дело Михаила Васильевича. И знал не только то, что тот в пятнадцать лет начал трудовую жизнь рабочим паровозоремонтного депо в Витебске, в двадцать шесть уже возглавил ЦК белорусского комсомола, во время войны на оккупированной гитлеровцами территории занимался формированием подполья и партизанским движением, а после нее стал министром просвещения, затем секретарем, вторым секретарем ЦК КПБ. Берия не мог не заметить, что Зимянин обладает цепкой хваткой, умеет, «когда партия прикажет», идти напролом. «Небольшого роста, щуплый, подвижный как ртуть», – так характеризовал его руководивший в 1988–1991 годах международным отделом ЦК КПСС дипломат и историк В.М. Фалин.

Было в характере Зимянина и обостренное самолюбие. Красноречивый в этом смысле случай произошел в апреле 1947 года в Москве в кабинете Маленкова, который в ЦК КПСС был ответственным за кадровую политику. Зимянина тогда выдвигали на должность секретаря ЦК КПБ. Когда он вошел в кабинет, Маленков воскликнул: «Какой же Вы маленький!». Зимянин мгновенно взвился: «Вы ошиблись адресом. Поищите кого-нибудь ростом повыше!». Развернулся и пошел к выходу. Маленкову пришлось успокаивать выдвиженца: «Постойте, не горячитесь. Мы же оба понимаем, что не это главное». Описание того, что произошло в кабинете Маленкова, привел в своих публикациях писатель Михаил Бублеев – под таким псевдонимом выступал в печати сын М.В. Зимянина Владимир.

Вряд ли есть основания сомневаться в том, что особенности характера Михаила Васильевича в полной мере учитывал Лаврентий Павлович. Он и его люди не могли не поинтересоваться и тем, почему человек, работавший вторым секретарем республиканского ЦК, избранный членом ЦК КПСС на XIX съезде партии, проходившем под руководством самого Сталина, вдруг оказался на второразрядной работе в союзном МИДе. В воспоминаниях Патолічева на эту тему содержится лишь намек, на первый взгляд, даже косвенный. Он пишет, что по прибытии в Минск ему с первых дней «бросилась в глаза разобщенность в работе бюро ЦК... Председателем Президиума Верховного Совета работал В.И. Козлов, Председателем Совета Министров Алексей Ефимович Клещев. Оба коренные белорусы, опытные работники, Герои Советского Союза... Кто или что вносило разобщенность...». Ни одного плохого слова о Зимянине, однако, Патолічев не сказал.

Больше эмоций на сей счет содержится в рассказах самого М.В. Зимянина. В пространном интервью, публикация которого в республиканской газете «Звезда» в июле – августе 1992 года растянулась на дюжину номеров, он говорил о Патолічеве как об опытном партийном работнике, которого «ў той час адрознівала адкрытая самаўлюбёнасць, схільнасць да аўтарытарнага стылю кіравання». По его словам, «Патолічаў быў не з тых, хто гаварыў прама», потому он «заўсёды працаваў з ім

з пэўнай аглядкай, хоць у цэлым адносіны былі ў межах нормы». Зимянин не привел ни одного примера патолічевской хитрости, но из его слов все же следует, что отношения с новым первым секретарем складывались не очень гладко. Впрочем, не сложились они и с его предшественником Н.И. Гусаровым, которого Михаил Васильевич называл человеком, ничего не смыслящим в белорусских делах.

Надо полагать, Н.С. Патолічев, до Минска успевший побыть во главе Ярославского, Челябинского, Ростовского обкомов партии, поработать секретарем в ЦК Компартии Украины, доводить дело до еще одного конфликта не стал, решив, что лучше «выдвинуть» малосговорчивого второго секретаря на работу в союзную столицу. А такие возможности у него были. Ведь Патолічев успел побыть и секретарем ЦК ВКП(б) в Москве. Двумя годами ранее он подобным образом избавился от министра госбезопасности Л.Ф. Цанавы. Николай Семенович, как утверждают, внушил, в том числе и Берии, что Цанава созрел для выполнения куда более объемных задач, чем те, которые он решает в маленькой БССР.

Вступительная беседа Берии с Зимяниным прошла по телефону. Как следует из «Объяснения М. Зимянина Н.С. Хрущеву о содержании разговоров с Л.П. Берией», датированного 15 июля 1953 года, их было две, а «первый телефонный разговор состоялся незадолго (за 3 или 4 дня, даты точно не помню) до принятия постановления Президиума ЦК КПСС от 12 июня 1953 г. «Вопросы Белорусской ССР»... Позвонил работник из секретариата Берия и предложил мне позвонить по кремлевскому телефону Берия... Берия спросил, как я попал в МИД? Я ответил, что... состоялось решение Президиума ЦК, в соответствии с которым я и работаю в МИД СССР. Затем Берия спросил, знаю ли я белорусский язык. Я ответил, что знаю. После этого Берия сказал, что вызовет меня на беседу, и повесил трубку».

Звонок из аппарата первого заместителя председателя Совета Министров СССР изрядно встревожил Зимянина. Он сразу же доложил об этом В.М. Молотову, который тогда руководил Министерством иностранных дел СССР. Притом докладывал дважды – по телефону и устно. Предположив, что Берия намерен забрать его в структуры МВД, Михаил Васильевич ска-

зал Вячеславу Михайловичу, что хотел бы остаться в его подчинении, намекнув таким образом, что переход под крыло «лубянского маршала» его никак не прельщает. Однако Молотов «дал понять, что речь идет об ином предложении, против которого ему трудно возражать». Умолчал министр, – отмечено в объяснении, – и о записке Берии, направленной в Президиум ЦК КПСС и касающейся БССР.

Второй телефонный звонок поступил 12 июня – в день принятия постановления «Вопросы Белорусской ССР». М.В. Зимянину было предложено явиться на беседу «в понедельник, 15 июня 1953 г.». Она состоялась вечером и длилась около двадцати минут. Как следует из объяснения Зимянина, Берия заявил, что «решение о моем назначении в МИД было ошибочным, неправильным, не мотивируя, почему». Последовал вопрос и о том, как бывший второй секретарь ЦК КПБ оценивает Патоличева. Не дав сформулировать ответ, «Берия прервал меня, сказав, что я напрасно развожу «объективщину», что Патоличев – плохой руководитель, пустой человек». Затем он рассказал, как «написал записку в ЦК КПСС, в которой подверг критике неудовлетворительное положение дел в республике с осуществлением национальной политики, а также с колхозным строительством. Кратко пересказав содержание записки, Берия заявил, что надо поправлять положение, что мне предстоит это делать».

Далее, как описывает Зимянин, из его уст последовало весьма серьезное предупреждение и не менее серьезная рекомендация. Предупреждение состояло в том, что на новой работе он «не должен искать себе «шефов», чем, по мнению Берии, грешили его предшественники. Попытки отделаться общими словами, что «шеф» в партии есть один – Центральный Комитет» не были приняты, «Берия вновь заявил мне, чтобы я не искал себе «шефов». Притом, как уточняет Зимянин, это уже прозвучало весьма резко, как явная угроза, потому пришлось ответить, что он учтет совет. Лаврентий Павлович также дал рекомендацию, на кого должен будет опираться новый первый секретарь ЦК КПБ: «Надо поддерживать чекистов, у них острая работа, а долг чекистов – поддерживать Вас». Притом Берия подчеркнул это дважды. Затем пересказал основные положения записки, посвящен-

▲ Н.С. Патоличев (крайний справа) во время открытия Монумента Победы на Круглой площади в Минске 4 июля 1954 года. Крайний слева – Т.С. Горбунов. Кадр из документального фильма, который хранится в Белорусском государственном архиве кинофотофонодокументов

ной белорусской ситуации, о которой Зимянин еще ничего не знал, сообщил, что уже назначен новый белорусский министр внутренних дел, и в третий раз посоветовал не искать себе «шефов».

В объяснении Зимянин не скрывал своей тревоги. В то же время, и в этом можно не сомневаться, он понимал: выбора у него нет. Тем более что уже было принято соответствующее постановление Президиума ЦК КПСС, которое делало его фактическим главой БССР. Вечером он уехал в Минск. По прошествии многих лет он жаловался, что его «тогда просто загнали из Москвы в Минск» по партийному правилу «надо». Тем не менее за дело Михаил Васильевич взялся довольно рьяно. Готовился доклад, проводились совещания с активом, в срочном порядке подбирались новые кадры для замены тех, кто должен был так же срочно уйти. Вопрос о том, качественной ли будет предстоящая замена, похоже, не всегда стоял на первом месте. Вот как уже на пленуме об этом говорил первый секретарь Волковысского райкома партии А.Ф. Бурлаков: «Подобрано и утверждено в бюро райкома 6 человек из местных... Новый состав аппарата будет иметь 65 процентов белорусов, 30 процентов русских, 5 – иной национальности». При этом признал, что «взяли в аппарат молодых коммунистов, принятых в члены партии в 1953 году», что «у них нет никакого опыта руководящей работы», в этом же направлении «мы ведем работу по

советским, сельскохозяйственным, заготовительным и финансовым кадрам».

Местное происхождение стало считаться чуть ли не главным достоинством. Покинуть руководящие посты предстояло русским. Через много лет в уже упомянутом интервью газете «Звезда» М.В. Зимянин привел слова из воспоминаний Н.С. Хрущева: «Линия на выдвижение национальных кадров в руководстве союзных республик всегда была налицо», но Берия «поставил этот вопрос под резким углом антирусской направленности... Он хотел сплотить националов и объединить их против русских». Первый секретарь ЦК Компартии Литвы А.Ю. Снечук отмечал, с каким одобрением восприняли в Литве постановление, принятое по записке первого заместителя председателя Совета Министров СССР, по республике сразу же пошли разговоры о том, что, как только уедут русские партийцы, «литовских коммунистов перебьем, как кроликов».

Постановление Президиума ЦК КПСС для Патоличева не стало неожиданностью. Еще до его выхода неприятную новость ему сообщил руководитель комитета госбезопасности БССР М.И. Баскаков. Ему же, как говорится в книге «Совестью своей не поступишь», все рассказал его коллега П.П. Кондаков. Он был министром госбезопасности Литвы, а до этого некоторое время работал заместителем министра госбезопасности СССР, так что связи в Москве у него оставались. Николай Семенович сразу же поехал к Маленкову и задал соответствующие вопросы. Тот ответил, что такого разговора не было. Хрущев тоже сказал, чтобы он спокойно возвращался в Минск. Звонил он и Берии с просьбой о встрече, но тот от нее уклонился. Значит, подумал Патоличев, события все-таки развиваются в том русле, о котором говорили Кондаков с Баскаковым, а секретари ЦК не знают или делают вид, что не знают. Через неделю позвонил Хрущев, пригласил в Москву и сообщил о предстоящем освобождении. Никакие доводы Патоличева приняты не были. Тогда он попросил разрешения не присутствовать на пленуме, где будет обсуждаться организационный вопрос, уверенно рубанув: «Пленум меня поддержит». Хрущев возразил, что есть решение ЦК, которое надо выполнять. Патоличев еще раз заявил, что пленум поддержит его, а не Зимянина.

Вопрос «Об очередном пленуме ЦК КПБ Белоруссии» на заседании бюро ЦК КПБ был рассмотрен 17 июня без Николая Семеновича. Решено было созвать его 25 июня 1953 года. Зимянин был уже в Минске. Шли активные беседы с секретарями обкомов, горкомов, райкомов, деятелями культуры и искусства. Цель – беспощадно раскритиковать недостатки и ошибки в национальном вопросе, руководстве сельским хозяйством и работу первого секретаря. На заседании бюро, на котором обсуждался доклад, подготовленный к предстоящему пленуму, Патоличеву дали место на дальнем торце стола. Как говорится в его воспоминаниях, «он должен был чувствовать себя уже в роли постороннего».

В книге воспоминаний В.И. Шарапова «Нас время ставит на свои места» отмечается: поначалу многое свидетельствовало о том, что пленум пройдет так, как и было предусмотрено в Москве и теми в Минске, кто его готовил. Доклад прозвучал на белорусском языке. По-белорусски говорили 24 выступающих из 27, на русском произносили свои речи только Патоличев, которому предстояло уйти, секретарь ЦК Горбунов и первый секретарь Волковыского райкома партии А.Ф. Бурлаков. Последний свою «дерзость» объяснил тем, что недавно работает в республике. Зимянин ему ответил, что «пользование русским языком не запрещается». В докладе после краткого пересказа истории БССР и напоминая о том, как «партия вучыць нас быць непрымырымі да любых адхіленняў ад савецкай нацыянальнай палітыкі», рисовалась негативная картина по всем аспектам: в аппарате партийных органов кадры коренной белорусской национальности составляют всего 62,2 %, а в семи райкомах среди секретарей нет ни одного белоруса; в западных областях республики из 1175 партийных работников местных только 121 человек. В числе 256 секретарей райкомов партии западных областей из местного населения лишь 15 человек; из 92 начальников горрайотделов милиции уроженцев западных областей всего 5 человек... В органах прокуратуры местные кадры составляют 9,1, а в органах юстиции и суда – 8,8 %; работа аппарата ЦК КПБ и Совета Министра БССР, местных партийных, советских органов, даже органов народного образования ведется на

русском языке; как ненормальное явление надо рассматривать то, что преподавание большинства дисциплин в высших учебных заведениях республики ведется не на белорусском языке... В политехническом, лесотехническом, планово-экономическом институтах, в институте иностранных языков, в медицинских институтах по-белорусски не читается ни одной лекции; доклады для населения звучат на русском языке.

Поэтому, в соответствии с принятым ЦК КПСС постановлением, пленуму надо принять решение, что работа ЦК КПБ, Совета Министров, местных партийных, советских органов должна вестись на белорусском языке; следует восстановить преподавание на белорусском языке в высших учебных заведениях, в белорусских школах; партийным организациям предстоит серьезно заняться и тем, чтобы учреждения культуры, торговли и т.д. обслуживали трудящихся республики на белорусском языке.

Правда, подчеркивалось, что новые правила не означают «патрабаванне размаўляць у Беларусі толькі на беларускай мове», потому что «такая пастаноўка пытаньня была б няправільнай, непартыйнай», ведь в республике живут тысячи русских, украинцев, евреев, трудящихся других национальностей, а «рускі і беларускі народы неразрыўна звязаны адзіным паходжаннем і свяшчэннымі традыцыямі сумеснай шматвекавай барацьбы супраць усіх іншаземных захопнікаў, у якіх вялікі рускі народ заўсёды выступаў як верны сябра беларускага народа...». Тем не менее тогда из уст Зимянина с трибуны пленума прозвучали слова, которые ему потом припоминали не раз: «Тыя таварышы, якія палічаць больш мэтазгодным перайсці на ўмовы, дзе для іх будзе магчымасць працаваць на роднай мове, звярнуўшыся ў партыйныя органы, атрымаюць магчымасць перавесціся на работу ў адпаведныя рэспублікі і вобласці». Иными словами, сказано было то, что через полвека стало политической кричалкой: «Чемодан – вокзал – Россия!».

Столь же категоричными в докладе были суждения о сельском хозяйстве. По словам Зимянина, партийные организации Беларуси во главе с Центральным Комитетом не смогли сконцентрировать силы трудящихся на решении задач качественного порядка. Их усилия направлялись на то, чтобы «як мага больш пасеяць, як-небудзь

выканаць устаноўленыя планы росту грамадскага пагалоўя жывёлы на калгасных фермах». Простой тракторов составляют 51 % времени. За последнюю зиму пало 115,7 тыс. голов крупного рогатого скота, 128,8 тыс. овец, 125,3 тыс. свиней. Мало применяются местные удобрения. Планы по вывозке торфа выполнены только на 4,4 %. Многие руководители колхозов пьянствуют. В Столбцовском районе заготовители пробовали отобрать корову у старшего брата Якуба Коласа В.М. Мицкевича, при этом оскорбили и даже ударили его жену. Короче говоря, руководство ЦК КПБ и Совета Министров оказалось не на высоте поставленных задач.

Доклад завершился при полном молчании зала. Да и вряд ли следовало ожидать аплодисментов после столь мрачной картины, нарисованной человеком, которому предстояло стать новым главой белорусской компартии. Притом от тех, кто считали, что в целом успешно преодолевают послевоенную разруху и не раз слышали от Москвы совсем иные оценки. Не исключались возможные поиски и наказание виновных, в том числе и среди сидящих в зале. Не добавляло оптимизма участникам и то, что такая резкая критика прозвучала из уст руководителя, который еще каких-то два месяца назад занимался в республике и процессом хозяйственного восстановления, и определением методов подъема экономики и культуры, и, конечно же, подбором кадров.

Трудно было сразу же принять на веру и то, что Патолічев, который работал в Беларуси уже три года, замеченный и выдвинутый самим Сталиным, вдруг оказался столь никчемным. Очевидной была и явная нереальность некоторых задач. Да, лекции в вузах читаются на русском языке. В недавно открытом архитектурном отделении политехнического института занятия ведут люди, приглашенные из Москвы, Ленинграда, Одессы, поскольку своих просто нет. В западных областях республики, где только после войны появились институты и техникумы, доморощенных кадров в достаточном количестве просто не могло быть. И в то же время вышедшее постановление главного партийного штаба страны следовало выполнять.

Яков АЛЕКСЕЙЧИК ┘

(Окончание в следующем номере)